

ЛУЧШИЕ СКАЗКИ
Ганса Христиана Андерсена

с иллюстрациями Кристиана Бирмингема

ЛУЧШИЕ СКАЗКИ
ГАНСА ХРИСТИАНА АНДЕРСЕНА

с иллюстрациями Кристиана Бирмингема

Гадкий утёнок

Дюймовочка

Соловей

Русалочка

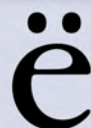
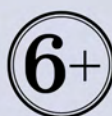
Стойкий оловянный солдатик

Девочка со спичками

Новое платье короля

Принцесса на горошине

ISBN 978-5-98124-681-4

Книга
с буквой ё —
удобнее
читать вслух!

Предисловие

Человек, написавший эти истории, даже собственную жизнь называл «прекрасной волшебной сказкой». Ганс Христиан Андерсен родился в Дании более двухсот лет назад. Долговязый и неуклюжий, с длинным носом и длинными светлыми волосами, он, подобно гадкому утёнку, отличался от большинства других детей. Его родители, башмачник и неграмотная прачка, жили бедно, но очень любили своего сына. Они видели, что мальчик рос умным и творчески одарённым, и поощряли его талант рассказчика и сочинителя.

Первые сказки Андерсена были опубликованы в 1835 году и получили отрицательные отзывы датских литературных критиков, которые осуждали автора за слишком простой язык его сочинений, напоминавший язык устной народной традиции. Один из критиков советовал Андерсену «впредь не тратить время на писание сказок для детей». Вспоминая этот недобрый отзыв, Андерсен признавался: «А я, между тем, никак не мог преодолеть своё желание продолжать писать их [сказки]». В отличие от профессиональных литераторов, обычные читатели были в восторге и требовали продолжения. Вскоре сказки Андерсена начали переводить с датского на многие другие языки, а сам писатель стал богатым и знаменитым. Его с распростёртыми объятиями принимали в каждой стране, которую он посещал. (Андерсен очень любил путешествовать.)

Всего выдающийся сказочник написал более 170 сказок и историй. В этой книге собраны восемь самых известных сказок Андерсена, которые он, по его собственному признанию, написал «именно так, как рассказывал бы их детям».

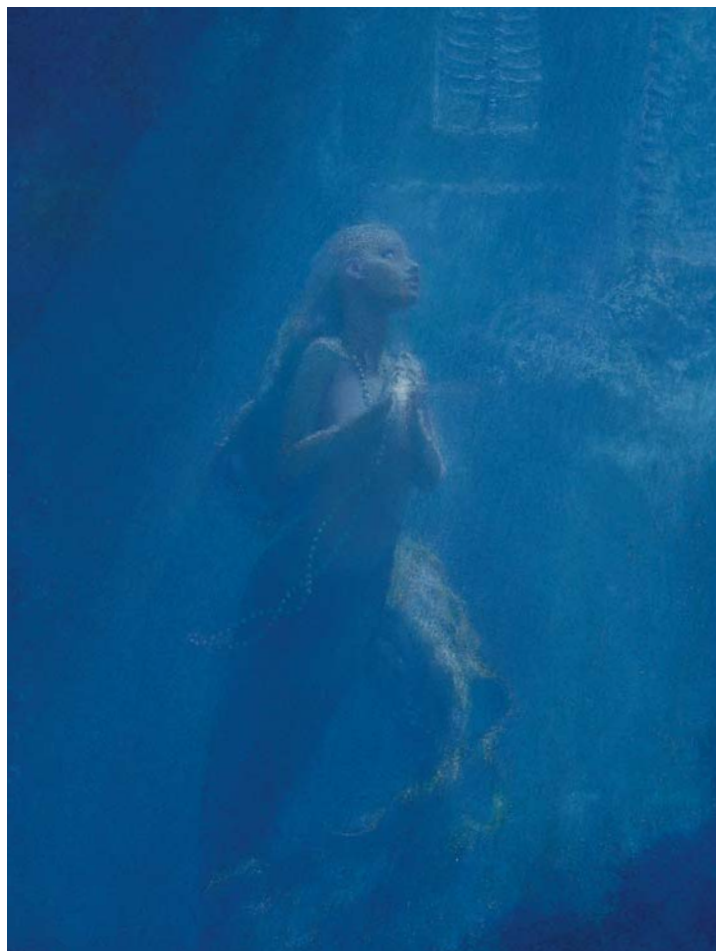
Об авторах переводов сказок

Тексты сказок в этом сборнике приводятся без сокращений. Мы взяли за основу лучшие и наиболее точные, на наш взгляд, переводы сказок Андерсена на русский язык, выполненные более 120 лет назад супругами Анной и Петром Ганзен, переработали и отредактировали их, приведя в соответствие с нормами современного русского языка.

Пётр Готфридович Ганзен (1846–1930) приехал в Россию из Дании в 1871 году и в 1888 году женился на Анне Васильевне Васильевой (1869–1942). Именно супруги Ганзен открыли для русского читателя скандинавскую литературу: за тридцать лет совместной работы они перевели на русский язык сотни различных произведений; их переводы считаются классическими и до сих пор остаются самыми популярными.

В 1917 году Пётр Ганзен вернулся в Данию, а Анна Ганзен осталась в Петрограде и смогла ужиться с новой властью: она продолжала заниматься переводами и даже была избрана секретарём Ленинградского отделения Союза писателей СССР. В этот период Анна Ганзен переработала многие переводы, выполненные ранее в соавторстве с мужем. В результате такой переработки появились новые, сокращённые и упрощённые версии сказок Андерсена авторства Анны Ганзен, лишённые глубокого нравственного и религиозного контекста, а также тех фрагментов и деталей, которые противоречили идеологии новой власти. Эти версии сказок издаются и поныне наряду с полными переводами супругов Ганзен, вводя в заблуждение неосведомлённого читателя.

Анна Ганзен умерла в 1942 году в блокадном Ленинграде.

Лучшие сказки Ганса Христиана Андерсена

с иллюстрациями Кристиана Бирмингема
в переводе Анны и Петра Ганзен

Содержание

- Гадкий утёнок ☞ 3
Дюймовочка ☞ 10
Соловей ☞ 18
Русалочка ☞ 27
Стойкий оловянный солдатик ☞ 42
Девочка со спичками ☞ 46
Новое платье короля ☞ 50
Принцесса на горошине ☞ 56

*Мы издаём только те книги, которые понравились нашим детям.
При испытании этой книги ни один ребёнок не пострадал ☺.

ë Книга с буквой ё — удобнее читать вслух!

УДК 821.113-93, ББК 84(4), А65

Лучшие сказки Ганса Христиана Андерсена с иллюстрациями Кристиана Бирмингема / Ганс Христиан Андерсен, иллюстрации Кристиана Бирмингема, перевод Анны и Петра Ганзен. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2016. — 60 с.

Книга для чтения взрослыми детям, достигшим возраста шести лет.

ISBN 978-5-98124-681-4

Книга опубликована по соглашению с издательством Running Press, импринтом издательства Perseus Books LLC. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Кристиан Бирмингем, 2002 — иллюстрации.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2015 — издание на русском языке.

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650-44-41

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru.

Веб-сайт издательства: www.dkniga.ru

Если Вам понравилась эта книга, оставьте, пожалуйста, отзыв на неё в Вашем любимом интернет-магазине или в интернет-магазинах «Озон» (ozon.ru) и «Лабиринт» (labirint.ru). Большое спасибо!

Присоединяйтесь к нам в Facebook:
www.facebook.com/DobrayaKniga

Следите за нами в Twitter:
www.twitter.com/DobrayaKniga

Отпечатано в типографии «PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

Гадкий утёнок

Как хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами тянулись большие леса с глубокими озёрами в самой чаще.

Да, хорошо было за городом! На солнечном припёке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от самой ограды вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В зарослях лопуха было так же тихо и спокойно, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение. Её мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крикать с ней.

Наконец яичные скорлупки затрещали. «Пи! пи!» — послышалось из них: яичные желтки ожили и повысовывали из скорлупок носики.

— Живо! Живо! — закрикала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха; мать не мешала им — зелёный цвет полезен для глаз.

— Как огромен мир! — запищали утята.

Ещё бы! Тут было куда просторнее, чем в скорлупе.

— А вы думаете, что тут и весь мир? —

сказала мать. — Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к полю священника, но там я отроду не бывала! Ну, все, что ли, вы тут? — И она встала. — Ах нет, не все! Самое большое яйцо целёхонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — заглянула к ней старая утка.

— Да вот, ещё одно яйцо остаётся! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а толку всё нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка. — Может статься, это индюшачье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они ведь страсть как боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и всё тут! Дай-ка мне взглянуть на яйцо. Ну, так и есть! Индюшачье! Брось-ка его да ступай учи других плавать!

— Посижу уж ещё! — сказала молодая утка. — Сидела столько, что можно посидеть и ещё немножко.

— Как угодно, — сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца. «Пи! пи-и!» — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Неужели это индюшо-

∞ Утята кланялись и кричали, но другие утки оглядывали их и громко говорили:
— Ну вот, ещё целая орава! А один-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим! ∞

Соловей

В Китае, как ты знаешь, и сам император, и все его подданные — китайцы. Дело было давно, но потому-то и стоит о нём послушать, пока оно не забудется совсем! В целом мире не нашлось бы дворца лучше императорского; он весь был из драгоценного фарфора, зато такой хрупкий, что страшно было до него дотронуться. В саду росли чудеснейшие цветы; к самым лучшим из них были привязаны серебряные колокольчики; звон их должен был обращать на цветы внимание каждого прохожего. Вот как тонко было придумано! Сад тянулся далеко-далеко, так далеко, что и сам садовник не знал, где он кончается. Из сада можно было попасть прямо в густой лес; в чаще его таились глубокие озёра, и доходил он до самого синего моря. Корабли проплывали под нависшими над водой вершинами деревьев, и в ветвях их жил соловей, который пел так чудесно, что его заслушивался, забывая о своём неводе, даже бедный, удручённый заботами рыбак. «Господи, как хорошо!» — вырывалось наконец у рыбака, но потом он опять принимался за своё дело и забывал о соловье, а на следующую ночь снова заслушивался его и снова повторял то же самое: «Господи, как хорошо!»

Со всех концов света стекались в столицу императора путешественники; все они дивились на великолепный дворец и на сад, но, услышав соловья, говорили: «Вот это лучше всего!»

Возвращаясь домой, путешественники рассказывали обо всём увиденном; учёные

описывали столицу, дворец и сад императора, но не забывали упомянуть и о соловье и даже ставили его выше всего; поэты слагали в честь крылатого певца, жившего в лесу, на берегу синего моря, чудеснейшие стихи.

Книги расходились по всему свету, и вот некоторые из них дошли и до самого императора. Он восседал в своём золотом кресле, читал-читал и поминутно кивал головой — ему очень приятно было читать похвалы своей столице, дворцу и саду. «Но соловей лучше всего!» — стояло в книге.

— Что такое? — удивился император. — Соловей? А я ведь и не знаю его! Как? В моём государстве и даже в моём собственном саду живёт такая удивительная птица, а я ни разу и не слышал о ней! Пришлось вычитать о ней из книг!

И он позвал к себе первого из своих приближённых; а тот напускал на себя такую важность, что, если кто-нибудь из людей попроще осмеливался заговорить с ним или спросить его о чём-нибудь, отвечал только: «Пф!» — а это ведь ровно ничего не означает.

— Оказывается, у нас здесь есть замечательная птица по имени соловей. Её считают главной достопримечательностью моего великого государства! — сказал император. — Почему же мне ни разу не доложили о ней?

— Я даже и не слышал о ней! — отвечал первый приближённый. — Она никогда не была представлена ко двору!

— Я желаю, чтобы она была здесь и пела предо мной сегодня же вечером! — сказал император. — Весь свет знает, что у меня есть, а сам я не знаю!

— И не слыхивал о такой птице! — повторил первый приближённый. — Но я разыщу её!

Легко сказать! А где её разыщешь?

Первый приближённый императора бегал вверх и вниз по лестницам, по залам и коридорам дворца, но никто из встречных, к кому он ни обращался с расспросами, и не слыхивал о соловье. Первый приближённый вернулся к императору и доложил, что соловья-де, верно, выдумали книжные сочинители.

— Ваше величество не должны верить всему, что пишут в книгах: всё это одни выдумки, чёрная магия, так сказать!

— Но ведь эта книга прислана мне самим могущественным императором Японии, и в ней не может быть неправды! Я хочу слышать соловья! Он должен быть здесь сегодня же вечером! Я объявляю ему моё высочайшее благоволение! Если же его не будет здесь в назначенное время, после ужина я прикажу побить всех придворных палками!

— Цзин-пе! — сказал первый приближённый и опять забегал вверх и вниз по лестницам, коридорам и залам; с ним бегала и добрая половина придворных, — никому не хотелось отвесть палок. У всех на языке был один вопрос: что это за соловей, которого знает весь свет, а при дворе ни одна душа не знает?

Наконец на кухне нашли одну бедную девочку, которая сказала:

— Господи! Как не знать соловья! Вот уж

поёт-то! Мне позволено относить по вечерам моей бедной больной матушке остатки от обеда. Живёт матушка у самого моря, и вот, когда я иду назад и сяду отдохнуть в лесу, я каждый раз слышу пение соловья! Слёзы так и текут у меня из глаз, а на душе становится так радостно, словно матушка целует меня!

— Кухарочка, — сказал первый приближённый императора, — я определю тебя на штатную должность при кухне и выхлопочу тебе позволение посмотреть, как кушает император, если ты сведёшь нас к соловью! Он приглашён сегодня вечером ко двору!

И вот все отправились в лес, где обыкновенно распевал соловей; отправилась туда едва ли не половина всех придворных. Шли они, шли, и вдруг замычала корова.

— О! — сказали молодые придворные. — Вот он! Какая, однако, сила! И это у такого маленького созданища! Но мы положительно слышали его раньше!

— Это мычит корова! — сказала девочка. — Нам ещё далеко до места.

В пруду заквакали лягушки.

— Чудесно! — сказал придворный бонза*. — Теперь я слышу! Точь-в-точь наши колокольчики в молельне!

— Нет, это лягушки! — сказала опять девочка. — Но теперь, я думаю, скоро услышим и его!

* В странах Азии — главный монах в храме или монастыре.

∞ — Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! —
И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях. ∞

И вот запел соловей.

— Вот это соловей! — сказала девочка. — Слушайте, слушайте! А вот и он сам! — И она указала пальцем на маленькую серенькую птичку, сидевшую в ветвях.

— Неужели! — сказал первый приближённый императора. — Никак не воображал себе его таким! Самая простая наружность! Верно, он потерял все свои краски при виде стольких знатных особ!

— Соловушка! — громко закричала девочка. — Наш милостивый император желает послушать тебя!

— Очень рад! — ответил соловей и запел так, что просто чудо.

— словно стеклянные колокольчики звенят! — сказал первый приближённый. — Глядите, как трепещет это маленькое горлышко! Удивительно, что мы ни разу не слышали его раньше! Он будет иметь огромный успех при дворе!

— Спеть ли мне императору ещё? — спросил соловей. Он думал, что тут был и сам император.

— Несравненный соловушка! — сказал первый приближённый императора. — На меня возложено приятное поручение пригласить вас на имеющий быть сегодня вечером придворный праздник. Не сомневаюсь, что вы очаруете его величество своим дивным пением!

— Пение моё гораздо лучше слушать в зелёном лесу! — сказал соловей, но, узнав, что император пригласил его во дворец, охотно согласился туда отправиться.

При дворе шли приготовления к празднику. В фарфоровых стенах и в полу сияли отражения бесчисленных золотых фонариков; в коридорах рядами были расставлены чудеснейшие цветы с колокольчиками, которые от всей этой беготни, стукотни и сквозняка звенели так, что не слышно было человеческого голоса. Посреди огромной залы, где сидел император, возвышался золотой шест для соловья. Все придворные были в сборе; позволили стоять в дверях и кухарочке, — теперь ведь она получила звание придворной поварихи. Все были роскошно одеты и глаз не сводили с маленькой серенькой птички, которой император милостиво кивнул головой.

И соловей запел так дивно, что у императора выступили на глазах слёзы и покатались по щекам. Тогда соловей залился ещё громче, ещё слаще; пение его потрясло всех до глубины души. Император был очень доволен и сказал,

что жалует соловью свою золотую туфлю на шею, но соловей поблагодарил и отказался, говоря, что довольно награждён и без того.

— Я видел слёзы в глазах императора — какой ещё награды желать мне! В слезах императора дивная сила! Видит Бог, я награждён с избытком!

И опять зазвучал его чудесный, сладкий голос.

— Вот самое очаровательное кокетство! — сказали придворные дамы и стали набирать в рот воды, чтобы она булькала у них в горле, когда они будут с кем-нибудь разговаривать. Этим они думали походить на соловья. Даже слуги и служанки объявили, что очень довольны, а это ведь много значит: известно, что труднее всего угодить этим особам. Да, соловей положительно имел успех.

Его оставили при дворе, отвели ему особую комнатку, разрешили гулять на свободе два раза в день и раз ночью и приставили к нему

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери — старой оловянной ложке, ружьё на плече, голова прямо, красный с синим мундир — ну, прелесть что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатiki!» Это закричал, хлопая в ладоши, маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения. И он тотчас же принялся расставлять их на столе. Все солдатiki были совершенно одинаковыми, кроме одного, который был с одной ногой. Его отливали последним, и олова немножко не хватило, но он стоял на своей ноге так же твёрдо, как другие на двух; и он-то как раз и оказался самым замечательным из всех.

На столе, где очутились солдатiki, было много разных игрушек, но больше всего бросался в глаза дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было видеть дворцовые покои; перед самым дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своим отражением восковые лебеди. Всё это было очень мило, но милее всех была барышня, стоявшая на самом пороге дворца. Она тоже была вырезана из бумаги и одета в юбочку из тончайшего батиста; через плечо у неё шла узенькая голубая

ленточка в виде шарфа, а на груди сверкала розетка* величиной с лицо самой барышни. Барышня стояла на одной ножке, вытянув руки, — она была танцовщицей, — а другую ногу подняла так высоко, что наш солдатик её и не увидел, и подумал, что красавица тоже одноногая, как и он.

«Вот бы мне такую жену! — подумал солдатик. — Только она, как видно, из знатных, живёт во дворце, а у меня только и есть, что коробка, да и то в ней нас набито двадцать пять штук, ей там не место! Но познакомиться всё же не мешает».

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая всё стояла на одной ноге, не теряя равновесия.

Поздно вечером всех других оловянных солдатиков уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. Теперь игрушки сами стали играть в гости, в войну и в бал. Оловянные солдатiki принялись стучать в стенки коробки — они тоже хотели поиграть, да не могли приподнять крышку. Щелкунчик кувырчался, грифель писал

---

* Заколка, брошь или другое украшение с орнаментом в виде лепестков распустившегося цветка или листьев, расположенных симметрично подобно ботанической розетке.

∞ Маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения, тотчас же принялся расставлять их на столе. ∞

на доске; поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да ещё стихами! Не трогались с места только танцовщица и оловянный солдатик: она по-прежнему держалась на вытянутом носке, простирая руки вперёд, а он бодро стоял и не сводил с неё глаз.

Пробило двенадцать. Щёлк! — табакерка раскрылась.

Там не было табаку, а сидел маленький чёрный тролль; табакерка-то была с фокусом!

— Оловянный солдатик, — сказал тролль, — нечего тебе заглядываться!

Оловянный солдатик будто и не слышал этого.

— Ну погоди же! — сказал тролль.

Утром дети встали, и оловянного солдатика поставили на окно.

Вдруг — по милости ли тролля или от сквозняка — окно распахнулось, и наш солдатик полетел головой вниз с третьего этажа, — только в ушах засвистело! Минута — и он уже стоял на мостовой кверху ног: голова его в каске и ружьё застряли между камнями мостовой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на поиски, но сколько ни старались, найти солдатика не могли; они едва не наступали на него ногами и всё-таки не замечали его. Закричи он им: «Я тут!» — они, конечно, тотчас же нашли бы его, но он считал неприличным кричать на улице, он ведь носил мундир!

Начал накрапывать дождик; сильнее, сильнее, наконец хлынул ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличных мальчишек.

— Гляди! — сказал один. — Оловянный солдатик! Отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги лодочку, посадили туда оловянного солдатика и пустили в канавку. Сами мальчишки бежали рядом и хлопали в ладошки. Ну и ну! Вот так волны ходили по канавке! Течение так и несло — не мудрено после такого ливня!

Лодочку бросало и вертело во все стороны, так что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

Лодку понесло под длинные мостки: стало так темно, точно солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несёт? — думал он. — Да, это всё шутки гадкого тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та красавица — по мне, будь хоть вдвое темнее!»

В эту минуту из-под мостков выскочила большая крыса.

— А паспорт у тебя есть? — спросила она. — Подавай сюда паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и ещё крепче сжимал ружьё. Лодку несло, а крыса плыла за ней вдогонку. У-у-у, как она скрежетала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

— Держи, держи его! Он не заплатил пошлину! Он не показал паспорта!

Но течение несло лодку всё быстрее и быстрее, и оловянный солдатик уже увидел впереди свет, как вдруг услышал такой страшный шум, что струсил бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика вода из канавки устремилась в большой канал! Это было для солдатика так же опасно, как для нас нестись на лодке к большому водопаду.

Но солдатика несло всё дальше, и остановить лодку не было никакой возможности. Лодка

с солдатиком скользнула вниз; бедняга держался по-прежнему стойко и даже глазом не моргнул. Лодка завертелась... Раз, два — и она наполнилась водой до краёв и стала тонуть. Оловянный солдатик очутился по горло в воде; дальше — больше: вода покрыла его с головой! Тут он подумал о своей красавице: не видать ему больше прелестную танцовщицу. В ушах у него звучало:

*Вперёд стремись, о воин,
И смерть достойно встретить!*

Бумага разорвалась, и оловянный солдатик пошёл было ко дну, но в ту же минуту его проглотила рыба. Как же темно было в рыбьем желудке! Гораздо темнее, чем под мостками, да ещё страх как тесно! Но оловянный солдатик держался стойко и лежал, вытянувшись во всю длину, крепко прижимая к себе ружьё.

Рыба металась туда и сюда, выделявала самые удивительные скачки, но вдруг замерла, точно в неё ударила молния. Блеснул свет, и кто-то закричал: «Оловянный солдатик!» Оказывается, рыбу поймали, свезли на рынок, потом она попала на кухню, и кухарка распоролла ей брюхо большим ножом. Она взяла оловянного солдатика двумя пальцами за талию и понесла в комнату, куда сбежались посмотреть на замечательного путешественника все домашние. Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и — каких только чудес не бывает на свете! — он оказался в той же комнате, увидел тех же детей, те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она по-прежнему стояла на одной ножке, высоко подняв другую. Вот так стойкость! Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался. Он смотрел на неё, она на него, но они не обмолвились ни словом.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, это всё тролль подстроил! Оловянный солдатик стоял охваченный пламенем: ему было ужасно жарко, от огня или любви — он и сам не знал. Краска с него совсем слезла, он весь полинял неизвестно от чего — то ли от тяжёлого путешествия, то ли от горя. Он смотрел на танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но ещё держался стойко, с ружьём на плече. Вдруг дверь в комнате распахнулась, ветер подхватил танцовщицу, и она, как сальфида*, порхнула прямо в печку к оловянному солдатик, вспыхнула разом и — конец! А оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек. На другой день горничная выгребала из печки золу и нашла маленькое оловянное сердечко; от танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорела и почернела, как уголь.

* Дух воздуха.